

Не кринолином единым О перспективах *haute couture*

Алексей Пантыкин |

ВОПРОС о жизнеспособности *haute couture* поднимался в глянце-вой прессе и модных кулуарах уже не раз. Астрономические цены, постоянно уменьшающееся число клиентов, резко сократившееся количество домов, занимавшихся высокой модой, труднодоступное членство в Парижском синдикате высокой моды (*Chambre syndical de la Haute Couture*) — все это рождало вполне закономерные сомнения. А ведь до недавнего времени кутюрные наряды были единственной альтернативой для тех, у кого были деньги и кто хотел одеваться отлично от других.

Сам термин *haute couture* появился в середине XIX века во времена Чарльза Фредерика Уорта, считающегося отцом высокой моды. Англичанин по происхождению, перебравшись в Париж, он через некоторое время стал, по сути, диктатором моды при дворе императрицы Евгении. Придуманный Уортом способ работы с заказчицами почти не отличался от того, который существует в современном мире *haute couture*. Во-первых, сразу оговоримся, что он был первый мужчина-кутюрье такого уровня, поскольку обшивали аристократию, как правило, портнихи и модистки. Во-вторых, он первый, кто создал собственный салон мод, куда приходили заказчицы, которым показывались эскизы или наброски с образцами тканей. Чуть позже Уорт стал использовать и манекенщиц для демонстрации нарядов. Высокопоставленные клиентки могли не сомневаться в уникальности платья, приобретенного у Уорта: появление второго такого же было исключено. Его можно назвать первым модным дизайнером в современном понимании этого слова. Уорту принадлежит идея создания синдиката высокой моды — своего рода профсоюза с жесткими правилами членства, окончательно зафиксированными в 1945 году и оставшимися почти без изменений. Согласно им, претендент должен был иметь ателье с не менее чем 20 портными, или, как их называют во Франции, *les petites mains*, работающими на постоянной основе, делать два показа в год, представляя не менее 35 ансамблей — как дневных, так и вечерних, и быть способным организовать для клиента не менее трех персональных примерок. *Haute couture* — синоним непревзойденного качества тканей, кроя, вышивки, отделки и исклю-

BOUCHRA JARRAR

чительного внимания к деталям. На создание одного платья подчас уходят сотни часов ручного труда, что сполна компенсируется ценами, стартующими от десяти тысяч евро за классическую блузку иходящими до сотен тысяч за вечернее платье с вышивкой. Ливанская миллиардерша Муна Аюб утверждает, что недавно в Музей моды и костюма Парижа она передала платье Chanel стоимостью €300 тыс.

По этим правилам играли как современники, так и последователи Уорта: Жак Дусе, Жанна Пакен, сестры Калло, Поль Пуаре, Жан Пату, Мадлен Вионне, Жанна Ланвен, Коко Шанель, Эльза Скиапарелли, чуть позже — Кристоаль Баленсиага и Кристиан Диор. Чьи-то дома уже кану-

MAISON MARTIN MARGIELA

ли в Лету, чьи-то знакомы лишь по парфюмам, и только единицы дожили до наших дней. В 1960-е возникла плеяда молодых кутюрье, вышедших из подмастерьев старшего поколения и организовавших собственные дома. Среди них Ив Сен-Лоран, Андре Курреж, Эманнуэль Унгаро, Юбер де Живанши, Ханае Море и «убийца» высокой моды Пьер Карден. Последний, уловив ритм стремительно развивающейся Европы, в 1953 году показал первую коллекцию *pret-a-porter*, которую можно было купить в готовом виде в бутике. Через десять лет к нему присоединился и Ив Сен-Лоран, открывший магазин *Saint Laurent Rive Gauche* в парижском квартале Сен-Жермен-де-Пре, столь любимом французской богемой.

1970-е — на волне захвативших Европу движений вроде рокеров, хиппи и панков — стали кризисными годами для *haute couture*, которая никак не хотела вписываться в новую систему координат. К тому же Париж стал терять свой статус столицы моды. Лондон и Нью-Йорк, откуда приезжало огромное количество клиентов, уже могли похвастаться доморощенными талантами.

Зато 1980–1990-е стали вторым «золотым веком» *haute couture*. Один за другим воз-

НА СОЗДАНИЕ

одного платья подчас уходят сотни часов ручного труда, что сполна компенсируется ценами, стартующими от десяти тысяч евро за блузку

рождаются старые модные дома. В 1981 году в *Jean Patou* приходит Кристиан Лакруа, в 1987-м он открывает собственный дом. Карл Лагерфельд в 1983 году становится во главе Chanel. В 1990-м Клод Монтана занимает пост креативного директора *Lanvin*, а американец Оскар де ла Рента в 1993-м возрождает дом *Balmain*. В это время предприимчивый бизнесмен Бернар Арно покупает один за другим *Diore* и *Givenchy*, куда приглашает двух «плохих парней» — британцев Джона Гальяно и Александра Маккуина. Они должны были превратить *couture* в зрелище, и, что говорить, им это удалось. Появились новые имена: *Thierry Mugler* и *Jean Paul Gaultier* запустили свои кутюрные линии одновременно — в 1997 году.

В эти годы главными клиентками кутюрных домов были богатые американки или, как их называли по-английски, *socialite*. Жены богатых банкиров, владельцев недвижимости или нефтяных вышек, они привыкли заказывать роскошные,